
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI В.

НОВЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В.И. Мизин

Институт международных исследований
Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД РФ
пр-т Вернадского, 76, Россия, Москва, 119454

Статья посвящена новым моментам в развитии ключевых аспектов современной международной безопасности и стратегической стабильности. Автор проводит тезис о том, что нынешний этап международных отношений характеризуется высокой степенью хаотичности и непредсказуемости, и пытается проследить влияние таких нетрадиционных факторов, как полицентричность, отход от жесткой военной конфронтации, террористическая угроза на формирование принципиально новой модели стратегической стабильности, которая приходит на смену парадигмам холодной войны. В статье предлагается конкретный набор реальных шагов по укреплению военно-политической безопасности.

Ключевые слова: безъядерный мир, военно-политическая безопасность, конфликты, контроль над вооружениями, ОМУ, стратегическая стабильность, США, разоружение, Россия, ядерное оружие.

Ситуация с «жесткой» или в традиционном ее, военном, понимании безопасностью в мире крайне непростая и волатильная. Для сегодняшних международных отношений характерны неравномерность эволюции политических и социально-экономических процессов, сохранение различного рода конфликтов, появление новых, зачастую «внесистемных» акторов на мировой арене. Таким образом, налицо отсутствие долгожданного «золотого века» без войн и насилия или «конца истории» (1). Несмотря на оптимистические прогнозы ряда экспертов, международные отношения – и в период после завершения «холодной войны» – далеки от идиллической гармонии предвиденного И. Кантом идеала «всеобщего мира» (2), когда «народы, распри по-

забыв, в единую семью соединятся». Вопреки очевидному стремлению отдельных государств, межгосударственных образований и союзов к определенному «упорядочиванию» международной жизни, принятию различного рода «правил поведения», «дорожных карт» и систем «сдержек и противовесов» в целом развитие отдельных стран и регионов носит довольно непредсказуемый, неравномерный, как бы «рваный» характер (3). При этом этнические, межконфессиональные, связанные со столкновением религий и цивилизаций, агрессивным сепаратизмом, неконтролируемыми миграционными и демографическими процессами, коллапсом государственных структур конфликты влияют не только на взаимоотношения стран в регионах, но и сказываются на состоянии стабильности мировой системы в целом.

Развитие мира не просчитывается и не прогнозируется даже на среднесрочную перспективу. Ведущие школы теоретического осмысления мировых процессов, включая неореалистов и неолибералов, не говоря уж о неомарксистах, оказались неспособными дать коррелирующиеся с реальным развитием событий сценарии развития мировой ситуации, в том числе и в сфере безопасности. Вместе с тем они обогатили политологическую науку набором терминов и парадигм, которые до сих пор являются основой теоретического дискурса по мировым процессам (4).

Ясно одно – международные отношения по-прежнему несвободны от конфликтности и острых противоречий и по сути скорее хаотичны (5). В ближайшие 10–15 лет эксперты предсказывают обвальные процессы социально-экономических, а также внешнеполитических сдвигов и трансформаций в рамках набирающих силу тенденций глобализации (6). Финансовые проблемы, накапливающиеся у США, замедление рекордных темпов роста ВВП в Китае и Азии, долговой кризис во многих странах Европы и затяжная стагнация в Японии могут с большой вероятностью вылиться в глубокий, качественно новый кризис, полную силу которого мировая экономика ощутит уже через 2–3 года. Характер этого кризиса может быть буквально ужасающим по своим последствиям и не идти ни в какое сравнение с финансово-экономическим катаклизмом 2008–2009 гг.

Речь не идет, конечно же, о ситуации тотального «вселенского хаоса» или преддверии неминуемого полного коллапса, нового общемирового вооруженного конфликта. Главной чертой мировых процессов является скорее их непредсказуемость. Некое минимальное равновесие системе международных отношений, несомненно, все же имманентно присуще (7). То есть в определенной мере возможно обретение некой динамической стабильности. Финансово-экономический кризис последних трех лет, тем не менее, заставил совершенно по-новому оценить парадигмы мирового развития, подчеркнув иллюзорность надежд на долговременное стабильное развитие.

Устоит ли Запад в конечном счете или подвергнется новой волне финансово-экономических кризисов – согласно теории кондратьевских «длинных циклов (волн)»? Если стабильность мировой структуры и доминирова-

ние Запада будут и дальше подрываться – до какой степени милитаризации и конфликтности в результате этого дойдет мир? Выдержит ли потрясения развивающийся мир, особенно его беднейшая часть, или будет деградировать и дальше?

Теоретически возможны два среднесрочных сценария. Согласно первому индустриально развитым странам удастся преодолеть кризис и закрепить свое лидерство в мире. В принципе это означает стабильное развитие мировых процессов. Мы станем свидетелями совершенно новой экономики, основанной на новой системе регулирования ее глобального развития, «экономике знаний», идущей на смену ранее широко прославляемой «НТР», увидим новый облик социально ориентированного, менее характеризующегося погоней над прибылью капитализма, большую роль государств и международных организаций в регулировании глобальных рынков.

Если же возобладает второй вариант развития, то Запад действительно захлестнет новая волна кризиса, его влияние и роль в мировой экономике станет стремительно деградировать. Начнется давно предсказанное стремительное превращение Китая в ведущую мировую державу; развивающиеся страны, охваченные волной внутренних социально-экономических потрясений, все активнее будут бросать вызов «старому миру» и требовать для себя все новых преференций и прав на мировой арене, в частности в международных финансовых институтах. В принципе, ситуация на новом диалектическом витке будет напоминать период заката Древнего Рима под напором его колоний и набегов варваров.

Сегодня появляются новые международные организации, пытающиеся как-то управлять мировыми процессами, например, усиливает свою роль «двадцатка» – идя на смену «восьмерке». Все чаще от имени мирового сообщества выступают наднациональные структуры, а полноправными акторами на международной арене становятся негосударственные организации и объединения. Значительное влияние на международно-политическую ситуацию оказывает комплекс факторов нового порядка – ресурсных, производственных, научно-технологических, интеллектуальных, финансовых и т.п. Мы видим весьма интересные процессы выстраивания новой многоукладной, «сетевой» международной системы. В Европе и Восточной Азии набирают силу процессы интеграции. Активно декларирует стремление стать новым «плюсом влияния», а значит и интеграционным, системообразующим центром и Россия. Китай из готовился в долгосрочной перспективе стать мировым гегемоном. С определенной точки зрения ситуация в международных отношениях напоминает мир XIX в. с его «концертом великих держав», в основном сегодня западных.

Можно – весьма условно – попытаться категоризировать государства мира по ряду параметров. Явно обозначился своего рода глобальный «остров» более-менее стабильного развития. Это – демократические, индустриально развитые государства с давно сложившимися гражданскими обществами и рыночной экономикой (традиционные лидеры мировой политики –

прежде всего США, ведущие европейские страны – плюс новые центры экономической мощи в Восточной и Юго-Восточной Азии – плюс скандинавские страны и Австралия – Новая Зеландия) – то есть как бы «первый мир». Для этих государств характерны определенные, самые высокие в мире уровни жизни и соблюдение прав и свобод человека, социально ориентированный, с высокой степенью социальной защищенности капитализм (примеры – Швеция или Германия) – но, конечно же, отнюдь не какой-то «социализм с человеческим лицом». Эти государства как бы демонстрируют миру эффективность пресловутой «левой идеи», неспособной предложить на сегодня никакого реального рецепта организации экономики, а лишь набор демагогических лозунгов о равенстве, пагубности эксплуатации человека и необходимости социальной справедливости. Неслучайно на сегодня это явные центры притяжения глобальной иммиграции. Их догоняет «мир второй», в том числе претенденты на роли ведущих стран – члены БРИКС, включая Россию, некоторые малые европейские или латиноамериканские страны. Это стремящиеся стать мировыми лидерами и уже обгоняющие «первый мир» по приросту ВВП государства. Они имеют немалый потенциал развития, но пока отстают по уровню эффективности рыночной экономики, уровню демократии и комфорта ведения бизнеса или просто проживания населения.

Безнадежно отстает, зависит от помощи и погряз в конфликтах «третий мир» – развивающиеся или, скорее, слабо развивающиеся, зависящие от помощи «мира первого» и международных организаций страны. У него тоже есть свои лидеры, явно стремящиеся перейти в число государств потенциально успешных (скажем, Турция или Саудовская Аравия).

И есть как бы «мир никакой» – анклавы застоя и архаики – Куба, КНДР, Венесуэла сегодня, некоторые страны Африки. Время там «остановилось» или идет вспять, права человека грубо нарушаются, экономика, несмотря на отдельные попытки модернизации, находится в глубоком кризисе. Все они в той или иной мере стоят на пороге социальных революций и потрясений типа «арабской весны».

Разрыв в уровне развития «золотого миллиарда» или примерно 30 стран Европы, Восточной Азии и Океании с довольно ограниченными природными ресурсами и примерно 140 «аутсайдеров» все увеличивается. Это создает перманентную основу новой мировой напряженности. Будущее устройство мировой системы, как будущие войны и конфликты, скорее всего, будут определяться взаимными трениями и претензиями «богатого Севера» и «бедного Юга».

При всем уважении к концепции «многополярности» и многовекторности развития глобальной эйкумены, все эти новые «полюса», вроде Китая, Индии, Нигерии, ЮАР, Бразилии или (уже в прошлом?) Японии, не могут предложить достаточно основательное сочетание экономической и военной мощи, «мягкой силы», реальных демократических прав и свобод, уровня

жизни, а также привлекательной идеологии, миссионерской «пассионарности» и одухотворенности идей, культурного потенциала для того, чтобы действительно занять руководящие позиции в мире.

США – при всех известных проблемах их экономического развития – остаются ведущей державой современного мира, по крайней мере, в экономическом (о чем говорят попытки урегулирования экономического кризиса) и военно-политическом планах, все еще лидером не только «Запада», но и всей традиционной либерально-демократической, «рыночной» части мира. Нехотя признают это и в ЕС, не преминув покритиковать США за провальную реализацию концепции «всемирной демократизации». Но и у США, как свидетельствует ныне всеми критикуемый опыт администрации Дж. Буша-мл. и уроки последнего глобального экономического кризиса, возможности ограничены. Им придется серьезно пересматривать модальности своей внешней политики, чтобы сохранить лидирующие позиции (до предрекаемого у нас иногда в экспертной среде «коллапса» Америки еще весьма далеко).

Войны между государствами «первого мира» невозможны. Это развитые, «нормальные» демократии – разумеется, не без своих проблем. Возможны напряженность и конфронтация между «первым миром» и «вторым» (в диадах США–Россия, Россия–НАТО, Китай–США, Великобритания–Аргентина или, например, бывшая Югославия при режиме Милошевича – НАТО).

«Третий мир» – это средоточие конфликтов, источник мировой напряженности. Там главное приложение военных усилий мира «первого» – в попытках стабилизации, смены тоталитарных режимов, «демократизации», урегулирования конфликтов, защиты прав человека, предотвращении геноцида, «гуманитарных интервенций». В известной мире ведущие западные державы руководствуются крылатой формулой «мы в ответе за тех, кого приручили» – хотя о степени «прирученности» можно спорить. Традиция «вестфальского» подхода к международно-политической системе (недопустимости вмешательства во внутривнутриполитические дела других государств или, по крайней мере, наличия достаточных оснований и санкций СБ ООН для этого) все больше ставится сейчас под сомнение или реально уходит в прошлое. Примеры тому – саддамовский Ирак, Судан, Ливия, Афганистан, Пакистан, Кот д'Ивуар, Чад и т.д.

Многие эксперты полагают, что мир стоит на пороге нового витка борьбы за передел сфер влияния. Сегодня конфликты возникают не только между политически оформленными структурами, но и между ними и другими субъектами международных отношений, а также внутри самих государств. В такой войне могут участвовать, с одной стороны, государство со всеми его институтами, а с другой – различного рода негосударственные субъекты мировой политики. Формы и способы ведения таких войн определяются каждый раз с учетом конкретной ситуации.

Традиционная («вестфальская») система международного права, основанного на суверенитете государств и принципе невмешательства в их внут-

ренние дела, будет все больше оспариваться. Развитый мир все больше становится миром «коммун» и локальных сообществ, широких интеграционных наднациональных, но и внутригосударственных образований, а не традиционных государств. За «вестфальское» прошлое цепляются в основном государства «второго» мира (Россия – с учетом ставки ее «элиты» на суверенитет и недопустимость делегирования властных полномочий), и в какой-то мере – США в силу ощущения их элитой Америки как «сияющего града на холме», указывающего путь миру.

Вот почему такое огромное значение для глобального миротворчества приобретает ООН – уникальная, обладающая универсальной легитимностью мировая площадка для согласования позиций государств и новых акторов. Крайне важно придать импульс многостороннему взаимодействию для решения в ее рамках и с ее помощью глобальных проблем современности. Прежде всего, речь идет о таких областях, как предотвращение и урегулирование региональных кризисов, нераспространение ОМУ, борьба с международным терроризмом и трансграничной оргпреступностью, преодоление последствий природных и техногенных катастроф, противодействие климатическим изменениям, обеспечение устойчивого развития и продовольственной безопасности.

ООН часто критикуют в последние годы за неспособность реально приступить к урегулированию международных кризисов. Тем не менее, реальной альтернативы ей в плане действительно универсального – а не своего рода «клуба избранных» – не просматривается. Нарращивание коллективного взаимодействия требует при этом строгого соблюдения уставных прерогатив Совета Безопасности ООН как главного органа, ответственного за поддержание международного мира и безопасности и единственно уполномоченного применять силу для урегулирования споров и принуждения к миру. Это важно, чтобы не допускать повторения или универсализации таких односторонних акций, как операции НАТО в Югославии или Ливии. При этом совершенствование взаимодействия Совета Безопасности с региональными организациями в соответствии с Главой VIII Устава ООН (такими как НАТО, ОДКБ или ШОС) призвано полезным образом дополнять деятельность ООН в деле стабилизации обстановки в конфликтогенных районах мира.

Вместе с тем необходимо продумывать и процессы дальнейшего повышения эффективности и демократизации ООН, усиления в ней роли неправительственных организаций и акторов (это набирающая силу тенденция), сопряжения ее работы с деятельностью региональных организаций, «двадцатки» и «восьмерки», что уже и происходит в последнее время. Динамика международных процессов глобализации, укрепляя взаимозависимость и создавая предпосылки для преодоления между странами противоречий и конфликтов, не устраняет их полностью.

Все более важными становятся невоенные угрозы – однако далее мы сосредоточимся на сфере военных вызовов, на факторе военной силы. В по-

следние годы сфера взаимодействия мировых акторов, которую принято относить к невоенной или гражданской области международной безопасности, получает все большее значение в мировой политике.

Потенциальным источником военных конфликтов остаются, разумеется, экономические противоречия, внутренняя социально-экономическая напряженность, демографические проблемы, проблемы миграции, климата, экологии, техногенных катастроф, и даже гендерная тематика, вопросы доступа к ресурсам (в частности, пресной воде, рудным запасам или углеводородам), продовольственной безопасности, столкновения культур и цивилизаций, возможного коллапса структур управления в кризисных «несостоявшихся» государствах. В этой связи принято в последнее время говорить о важности экономической, экологической, информационно-культурной или даже человеческой составляющих понятия безопасности.

Однако опасность именно военных конфликтов, на наш взгляд, носит непосредственный характер. Ведь события и тенденции в сфере военно-политической безопасности напрямую касаются (в отличие, скажем, от безопасности дорожного движения или «секьюритизации» проживания человека в мегаполисах) главных человеческих ценностей – жизни и смерти людей, в конечном счете, выживания человечества, предотвращения гибели целых этносов и народов в различного рода вооруженных конфликтах, территориальной целостности, конституционного устройства и независимости, самого существования государств и их взаимоотношений с негосударственными акторами.

В годы «холодной войны» именно военная этиология безопасности превалировала: мир стоял на грани сползания к глобальной ядерной катастрофе.

С начала 1990-х гг. такая опасность, казалось бы, миновала. Между тем и сегодня, по прошествии 20 лет, сохраняется атавизм разлома «Восток–Запад» в силу разности подходов элит этих образований и неравномерности развития обществ. Хотя «центральное» противостояние СССР–США времен «холодной войны» заменено массой новых конфликтов, не устранено фактически военное противостояние России и Запада. США и Россия по-прежнему рассматривают друг друга как серьезнейших конкурентов на мировой арене, а ядерные арсеналы друг друга являются подлинным взаимным оправданием их стратегии ядерного сдерживания.

Оказалось, что понимание основ мироустройства и социального порядка у элит обеих стран диаметрально противоположно. Российские правящие круги, несмотря на то, что Америка в принципе является нашим «естественным партнером» в решении крупнейших мировых проблем, испытывают синдром глубокого антиамериканизма (который частично объясняется не только стереотипами «старого мышления», да и самим уровнем этой «элиты», но и своего рода «комплексом неполноценности» в связи с ситуацией в стране, неспособностью провести структурные реформы в экономике и поднять уровень жизни большей части населения, а также утратой статуса глобальной «сверхдержавы»)...

Российские власти довольно болезненно реагируют на претензии США закрепить за собой мировое лидерство, попытки «выдавить» Москву из зоны ее традиционных геополитических интересов на постсоветском пространстве, а то и заставить поставлять основу экономической мощи – свои минеральные ресурсы – Западу на диктуемых им условиях. Практически по всем наиболее актуальным проблемам мировой политики – будь то ситуация на «Большом Ближнем Востоке» или в бывшей Югославии (в особенности Косово), угрозы безопасности в пресловутой «дуге нестабильности» или восприятие Китая, не говоря уже о соревновании за влияние в Евразии – подходы двух держав иногда прямо противоположны. В такой парадигме ядерное оружие продолжает оставаться, по российским доктринальным установкам, важнейшим фактором обеспечения безопасности страны, гарантом ее независимости, то есть по существу материальной основой все еще разделяемой определенной частью элиты пресловутой доктрины «суверенной демократии».

Разумеется, на состоянии международной системы отражаются изменения в характере вызовов международной безопасности и стабильности, в их приоритетности. Угроза мировой ядерной войны утратила абсолютный приоритет, хотя само наличие крупных арсеналов оружия массового уничтожения окончательно не позволяет устранить возможность глобального «холодosta», инцидента с ядерным оружием или ядерной техногенной катастрофы. Ядерное сдерживание все еще не уходит в прошлое. Совершенно очевидно, что полная ликвидация ядерных вооружений в мире – дело весьма далекого будущего, даже не проблема среднесрочной перспективы.

Для построения безъядерного мира необходимо обеспечить совершенно новое качество международных отношений и международной безопасности, гарантировать коллективную безопасность всех государств и ликвидировать рецидивы и стереотипы недоверия, взаимной подозрительности и враждебности.

Что же касается стратегической стабильности, то на смену ее классическому пониманию в период «холодной войны» (когда она в узком смысле определялась как устойчивость системы взаимных сдержек и противовесов в области «центрального» ядерного баланса между двумя антагонистическими блоками, не допускавшая непредсказуемого развития в случае кризисов или безудержного обострения гонки вооружений), приходит ее более комплексное понимание. Сегодня стратегическая стабильность – это, скорее, выстраивание такой системы, которая способна уберечь мир от крупных вооруженных конфликтов, угрожающих интересам всех стран в случае возникновения политического кризиса, гарантировать их безопасность и надежность выстроенных военных балансов.

В этой связи и контроль над вооружениями, а также и возможные прорывы в деле разоружения, мыслятся скорее как своего рода «менеджирование» процессами снижения уровней вооружений и, соответственно, военной угрозы. Естественно, что эта цель сохраняет свою важность и сегодня. С учетом этого российской стороне важно не только не растерять накоплен-

ный политико-дипломатический капитал в данной сфере, но и заявить о себе как об убежденном стороннике разоружения, «безъядерного мира», нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями.

В идеале мир должен эволюционировать в сообщество миролюбивых и – при всем различии национальных социокультурных особенностей – демократических государств с развитой и социально ориентированной рыночной экономикой, реально соблюдаемыми нормами прав человека во всей их совокупности, развитой сетью гражданских обществ, с общепризнанными атрибутами разделения властей и демократического контроля общества над государственной машиной, действенной системой мирного разрешения возникающих споров между государствами, действительного укоренения принципа неприменения силы и угрозы ее применения.

Должна быть устранена почва для межцивилизационных, межрелигиозных и межэтнических конфликтов, которые, особенно при наличии соответствующих ресурсов и фундаменталистской псевдорелигиозной идеологии, подпитывают стимулы к обладанию ядерными арсеналами – будь то для обеспечения доминирования над соседями в регионе или для пропуска в клуб «великих держав».

Естественно, что переход к безъядерному миру должен быть продуманным, планомерным и поэтапным. Его главные условия – радикальные сокращения ядерных потенциалов, присоединение к этому процессу на соответствующих этапах всех ядерных держав – официальных и неофициальных, эффективные гарантии нераспространения ОМУ и предотвращения его разработки в глобальном масштабе. Поэтому особенно трудной проблемой представляется ликвидация ядерного потенциала Китая, Индии и Пакистана, не говоря уже о КНДР и, возможно, в будущем, в случае его создания несмотря на все сегодняшние заверения в обратном – Ирана.

Этот процесс должен, разумеется, включать и полное уничтожение всех типов стратегических и нестратегических (тактических) ядерных вооружений и гарантии контроля за невозобновлением их производства, а также жесткие ограничения на уровне обычных сил и вооружений – с тем, чтобы не допустить нового витка их наращивания – уже в безъядерном мире.

При этом, тем не менее, с помощью обычных сил должны быть адекватно обеспечены жизненные интересы безопасности государств. Особое внимание следует уделить строгому контролю над мирными исследованиями в области ядерной энергетики, предотвращению обхода модальностей безъядерного мира через этот канал – для чего необходимо радикальное укрепление режима гарантий МАГАТЭ, совершенствование системы экспортного контроля за оборотом ядерных материалов и технологий.

Нашим военным и оборонщикам надо бы вплотную заняться радикальным повышением уровня оснащенности российских вооруженных сил самыми современными «умными» компьютеризованными обычными вооружениями на основе реализации концепции «революции в военном деле» и

завершения наконец-то столь болезненно идущей реформы отечественного ОПК. Иначе Россия действительно скатится на уровень третьеразрядной региональной державы – экспортера полезных ископаемых, останется этакой «евразийской Саудовской Аравией».

России вряд ли следует демонстрировать настороженное или, тем более, скептическое отношение к идее «мира без ядерного оружия». Такой подход был бы контрпродуктивным с точки зрения дальнейшего продвижения наших внешнеполитических приоритетов, укрепления имиджа России как великой демократической суверенной и современной державы – одного из мировых лидеров, в том числе и в вопросах нераспространения ОМУ и снижения опасности военной угрозы, контроля над вооружениями, играющих столь важную роль в глобальных процессах развития. Ведь очевидно, что выдвигание таких инициатив не требует от нас немедленной ликвидации всех ядерных арсеналов, по крайней мере, если это не диктуется самой логикой процесса их амортизации. Более того, следует сделать все возможное, дабы не допустить перехвата Соединенными Штатами традиционных разоруженческих, «антиядерных» лозунгов советской и позднее – российской дипломатии.

Вместе с тем ядерное оружие отступает на второй план в арсенале ведущих государств как оружие сдерживания, но не инструмент будущих войн. Его смогла создать даже беднейшая КНДР за счет высвобождения небогатых ресурсов. В то же время высокоточные, «умные», современные обычные вооружения производить могут только США и еще 2–3 страны «первого мира». Это будущее развития вооружений. Ядерное оружие сегодня – и традиционное средство сдерживания между ведущими (ядерными) державами, и лишь ограниченно, – инструмент парирования новых угроз (терроризм, «несистемные» страны-«изгои» – распространители оружия массового уничтожения). А также все еще, в какой-то мере, инструмент обеспечения защиты союзников ядерных государств, поддержания «расширенного сдерживания» потенциальных агрессоров. Скорее всего, ядерное оружие – особенно после недавней операции против режима Каддафи – будут стремиться создать ряд государств-«парий» из числа «развивающихся», что будет вызывать резкое противодействие и даже военные акции ведущих держав.

Типы вооружений, используемых в мире государствами и негосударственными акторами, таким образом, разнятся. США и другие лидеры далеко оторвались от остального мира. «Развивающиеся» страны все еще решают проблемы средствами ведения войны первой половины XX в. Традиционность средств ведения войны там сохраняется. Архаичные анклавные старые средства ведения войны в Африке и Азии – причина наиболее многочисленных конфликтов.

Как пишет академик А.В. Торкунов: «Международная конфликтность, распространение ОМУ, религиозно мотивированный терроризм, как это ни цинично, становятся обыденными, укорененными явлениями для многих регионов» (8).

В то же время даже террористы-исламисты начинают осваивать Интернет, информационные войны и их приемы. Однако пока это только начальная стадия.

Тем не менее для ведущих государств непосредственной становится и опасность распространения ядерного оружия, других видов ОМУ, ракетных технологий, в том числе крылатых ракет. Осознание этой проблемы сближает страны «первого» и «второго» мира. Немного успокаивает то, что доступ к соответствующим средствам ведения войны (оружию, оружейным технологиям) носит весьма избирательный характер. В его приобретении заинтересованы довольно немного стран, главным образом «несистемных» – КНДР, Иран, ранее – Ирак и Ливия. Средние и малые развивающиеся страны, не обладая достаточными ресурсами, рассматривают военную силу как основу выживания своих зачастую авторитарных, не соблюдающих ключевые права и свободы человека режимов – особенно в государствах-«париях». Они готовы противопоставлять себя международному сообществу, используя авантюристические и террористические методы достижения целей, идя на агрессию против соседей по регионам.

Стимулом для приобретения ядерного оружия является и продолжающееся сохранение его крупнейшими странами в качестве крайнего средства обеспечения безопасности. Призывы к установлению «ядерного нуля» воспринимаются рядом ядерных держав скептически как пропаганда и политический пиар. (При этом ряд ведущих ядерных держав не прекращает модернизировать свой ядерный потенциал, ориентируя его на решение новых задач.)

В то же время попытки укреплять режимы нераспространения, «купирующие» доступ к ОМУ, воспринимаются многими в развивающихся странах как дискриминационные.

В Договоре о нераспространении ядерного оружия изначально заложена возможность для любого государства создать практически полностью потенциал производства ядерного оружия, оставаясь в рамках Договора и формально не нарушая его норм.

Этот Договор – в силу органически присущих ему недостатков – не смог предотвратить запуска тайных программ создания ядерного оружия в целом ряде таких «антисистемных» государств, как КНДР, которые все чаще стали именоваться на Западе государствами-«париями».

Кроме того, немало государств, прежде всего входящих в т.н. «антиимпериалистический, антиглобалистский лагерь», продолжают рассматривать ДНЯО как «уловку Запада», призванную не допустить создания ядерных арсеналов и беспрепятственного развития атомной энергетики в этих странах, что они считают крайне несправедливым. Они настаивают на приоритете ядерного разоружения как обязательстве для официальных ядерных держав. Без выполнения этого условия бессмысленно, по их подходу, выступать за укрепление режима Договора.

Новые источники угроз – международный (фундаменталистский исламистский) терроризм, наркотрафик, трансграничная оргпреступность во всех видах (расцветающая «на полях» локальных конфликтов), политический и религиозный экстремизм и агрессивный сепаратизм – требуют и но-

вых форм вооруженного противодействия. Ядерное оружие великих держав бессильно перед такими угрозами, как ситуации в Ираке, Афганистане или Ливии. (В какой-то мере в крайних ситуациях возможны, хотя и неприемлемы с моральной точки зрения, удары нестратегическим ядерным оружием по хорошо защищенным крупным пунктам сосредоточения и объектам террористов). Однако, совершенно очевидно нужны новые концепции и новые виды вооруженной борьбы – иногда с применением новых типов вооружений.

«Революция в военном деле» (РВД), провозглашенная – вслед за маршалом Советского Союза Н.В. Огарковым (9) с его концепцией использования вооруженных сил в соответствии с тенденциями современных информационных технологий – американским специалистом Э. Маршаллом и получившая развитие после успешных операций в Ираке и Косово, более-менее происходит только в США. (Это вызывает «комплексы неполноценности» у военных элит Европы и России.) Китай будет пытаться ее в ограниченном плане имитировать – с опорой на свою растущую экономическую мощь.

РВД обусловлена как уходом в прошлое «вестфальской системы» и необходимостью разработки новых методов обеспечения военной безопасности мировых акторов, так и появлением совершенно новых видов и типов вооружений, основанных на сетевых, информационных, нанотехнологиях и т.д. (10). Как писал американский профессор С. Браун: «...Так называемая революция в военном деле (РВД, revolution in military affairs) придала убедительность расчетам на обеспечение невиданно высокого уровня управляемости операциями и контроля за их ходом. Этот процесс можно считать революцией, эволюцией или «трансформацией войны» – как предпочитают говорить в Пентагоне. Как бы то ни называлось, внедрение передовых информационных технологий в производство новых видов оружия, разработку стратегий и практику ведения боевых операций позволяет достигать все более высокой точности ударов и неуклонно расширяет спектр военно-стратегических альтернатив, призванных гарантировать США минимум потерь в ходе военных действий. Благодаря новейшим разработкам верховное командование, а также командиры боевых подразделений на местах постоянно имеют доступ к любой информации о ходе текущей операции и могут управлять ею дистанционно» (11).

В то же время в последнее время динамика РВД явно затормозилась. Качественного прорыва, коренного обновления оружейного парка на 15–20% здесь пока не произошло, не наблюдается скачкообразного развития новейших технологий. Несмотря на многократно повторенные тезисы о появлении оружия, основанного на новых физических принципах (лазерного, пучкового, электромагнитного, «психотронного»), оно не поступает на вооружение даже ведущих стран мира.

Более того, в отдельных случаях, когда наиболее развитые в военном отношении государства применяют силу ограниченно (Ирак, Афганистан, Ли-

вия), их вооруженные новейшими, широко использующими электронику системами вооружений военные контингенты оказываются уязвимыми для устаревших образцов оружия и не могут им противостоять. Войска НАТО в ливийской операции достаточно эффективно обеспечивали поражение зенитно-ракетных комплексов противника, но не смогли справиться с войсковой ПВО образца 1960–1970-х гг., основанной на приборах визуального наведения.

Обозначились, таким образом, два «трека» гонки вооружений – традиционное наращивание военных потенциалов – и развитие новых систем и видов вооружений ведущими державами. России также требуются новые современные типы вооружений – для урегулирования внутренних конфликтов и проведения миротворческих операций на постсоветском пространстве, борьбы с терроризмом и агрессивным сепаратизмом под маской фундаменталистского исламизма.

Не исключена и опасность того, что объективно дальнейшее совершенствование военного потенциала США в прогнозируемом будущем нанесет ущерб интересам безопасности России. В то же время развитие у нас подобных систем вооружений – наряду с прогрессом в гражданском секторе модернизации – существенно способствовало бы укреплению внешнеполитического потенциала и престижа России. Для применения такого оружия в целях отражения военных вызовов и угроз необходима разработка новых доктрин и концепций, отражающих новое качество научно-технического прогресса в сфере вооружений.

Взаимное влияние новых вооружений на военные концепции – факт современного мирового развития. Концепция развития вооруженных сил, концепция технологических изменений, технологической политики определяются, в том числе, типами вооруженных конфликтов, на которые ориентированы эти технологии. Появление новых систем вооружения придает новый импульс развитию способов ведения вооруженной борьбы. Так, например, информационная борьба стала играть решающую роль в современной войне. В свою очередь, появились и новые возможности по ведению контринформационных операций, по темпу сбора информации. В условиях, когда существует иерархическая система сетцентричной войны с единым информационным полем, обеспечить поражение этих систем вполне возможно. Успех в морально-психологической борьбе порой решает ход и исход вооруженной борьбы.

Сегодня практически похоронена идея «бесконтактных» войн, идея «роботизации войн». Основные арены битв в течение века будут приноситься с наземно-воздушного пространства в два других – космическое и Интернет. Информационно-коммуникационные военные технологии или информационное оружие будут постепенно вытеснять ядерное в качестве «сверхоружия» XXI в.

Если и появляются новые технологии, то они используются у развитых государств. Но и те вооруженные силы «третьего мира», которые действуют

в «серых зонах», в непризнанных государствах, приспособляются к новым методам ведения боевых действий, к новым технологиям в вооружениях. И под технологиями здесь следует понимать не только новую электронику, новую авионику, средства связи и т.д., но и средства связи и организации вооруженной борьбы.

Во многих случаях действия спецназа были единственными эффективными формами вооруженной борьбы, когда речь шла о конфликтах низкой интенсивности. Существенно возрос фактор действия сил по осуществлению спецопераций, значительно по сравнению с предыдущими войнами. Во многих случаях спецоперации были единственными формами вооруженной борьбы, когда речь шла о конфликтах низкой интенсивности.

При этом крупные войны между экономически развитыми государствами, даже с применением обычных средств вооружений, тем более оружия массового уничтожения, сегодня стали практически невозможными, поскольку всеми понимается опасность такого рода конфликтов. Соперничество между ними, скорее всего, будет осуществляться в виде непрямых действий в локальных конфликтах в третьих странах, где они будут стремиться подрывать позиции друг друга, точно так же, как это делали СССР и США, нарушая планы и подрывая позиции друг друга в локальных конфликтах во время «холодной войны».

Разработка новых видов вооружений (космическое оружие и космические боевые системы ПРО, на новых физических принципах (лазерное, пучковое), психотронное воздействие на человека и физическое – на природную среду, информационное (кибер-сетевые) – под силу только небольшому числу государств, прежде всего США. Однако и здесь пока не наблюдается характерной для «холодной войны» гонки все новых вооружений. Их развитие невозможно без современной экономики, а она невозможна без демократического, динамичного общества и свободы человека-творца – главной производительной силы постиндустриального века.

Следовательно, это новое оружие будет развивать только «первый мир». Китай и Россия не смогут пока что эффективно конкурировать без глубоких социально-политических реформ (как проиграл свое время в гонке вооружений СССР). Перспективы глобальной гонки вооружений в «экзотических» видах оружия поэтому ограничены.

Каналы «купирования» гонки вооружений и продвижения по пути глобального и регионального снижения военной угрозы в принципе существуют.

Новый Договор по СНВ открывает и возможности дальнейшего сокращения СЯС. Глубокие сокращения СНВ, предпринимаемые Россией и США, ведут к возникновению качественно новой ситуации в сфере ядерного разоружения.

При этом стратегическая стабильность на новом этапе нуждается в новом осмыслении. Необходимы ее новые определения – с учетом появления

новых «неофициальных» ядерных государств, угрозы распространения ОМУ и его взаимосвязи с ядерным сдерживанием, новым характером глобальной конфликтогенности. Дальнейшие шаги по пути ядерного разоружения должны рассматриваться и осуществляться при неукоснительном соблюдении принципа равной и неделимой безопасности и с учетом всей совокупности факторов, способных повлиять на стратегическую стабильность.

Речь идет, в частности, о таких факторах, как создание региональных систем ПРО – без учета безопасности соседних государств, возможное одностороннее наращивание потенциала стратегической ПРО, перспектива появления оружия в космосе, планы по созданию стратегических носителей в неядерном оснащении, одностороннее наращивание потенциала стратегической ПРО, возрастающий дисбаланс сил в сфере обычных вооружений, базирование ядерного оружия на территории неядерных государств и др. появления оружия в космосе, планы по созданию стратегических носителей в неядерном оснащении, возрастающий дисбаланс сил в сфере обычных вооружений, базирование ядерного оружия на территории неядерных государств и др.

Вопрос о ПРО по-прежнему остается главным для диалога Восток–Запад, а также для российско-американских отношений.

Еще до исторического по своей успешности ноябрьского Совета Россия–НАТО 2010 г. в Лиссабоне Россия сформулировала три принципа для будущего соглашения с НАТО по ПРО: Россия должна быть полноценным партнером; стороны будут делиться данными о раннем предупреждении (в частности получаемыми с помощью разведывательных средств); для осуществления такой защиты должны быть выделены отдельные зоны ответственности.

Тезисно можно наметить дальнейшие шаги в деле разоружения.

1. Прежде всего, разумеется, нужно продолжать процесс сокращения СНВ. Новый договор мог бы сократить количество оперативно развернутых боеголовок до уровня примерно 1000–1200 к 2020 г. Такие сокращения могут быть согласованы ранее, если Москва согласится не наращивать свои быстро сокращающиеся силы до разрешенного нынешним Договором потолка в 1550 единиц и быстро произвести сокращения, например, до 1400–1300 боезарядов.

2. Для успеха таких переговоров было бы полезно неофициальное обязательство третьих государств, обладающих ядерным оружием, не наращивать свои ядерные силы, а также их согласие на ряд мер по укреплению доверия и транспарентности.

3. Очень важной мерой повышения взаимного доверия является создание совместного Центра предупреждения о ракетном нападении и ракетных угрозах, а также проведение совместных учений об отражении ракетных угроз. Все это способствовало бы сближению позиций сторон по проблематике ПРО, а в перспективе – и созданию объединенной системы противоракетной обороны и раннего предупреждения.

4. США и Россия в плане начала переговоров по выработке соглашения о ликвидации тактического ядерного оружия могли бы обменяться информацией о его запасах и договориться на двусторонней основе о мерах транспарентности и доверия. Ясно, что лучше всего решать тему ТЯО в рамках будущего обсуждения проблемы обычных вооруженных сил и вооружений в Европе.

5. Предстоит «навязать» американцам и нашу концепцию ограничения обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Необходимо начало разговора и о лимитах на современные высокоточные, в том числе большой дальности системы, такого оружия. Для этого нужно отказаться от блокового подхода, характерного для Договора ДОВСЕ, и найти новые, нестандартные решения.

6. Важная тема – укрепление сотрудничества в нераспространении ОМУ, прежде всего материалов и технологий, потенциально применимых для его создания. В этих целях очень важно сотрудничество ведущих держав в укреплении престижа и потенциала МАГАТЭ.

7. Создание международных центров по обогащению урана в развитие российской и американской инициатив, ориентированных на обеспечение широкого доступа к мирному использованию ядерной энергии и, в то же время, на укрепление режимов нераспространения.

Налицо реальные возможности сдерживания процесса создания новых видов и типов оружия и запрета «экзотических» вооружений – поскольку США уже догнать никому невозможно, а их разработки ограничены финансовыми затруднениями в посткризисный период. Таким образом, у мировых процессов безопасности есть будущее, налицо и технологическая база укрепления глобальной стабильности.

Происходит переоценка фактора силы в международных отношениях. Этому способствует и развитие российско-китайского стратегического партнерства, укрепление таких организаций, как БРИКС, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС.

В комплексе инструментов политики наиболее развитых стран все более важное место занимают невоенные средства, условно объединяемые понятием «мягкой силы». Тем самым расширяются возможности развитых стран, оказывая эффективное несилевое давление, усиливать свое влияние в мире.

В то же время, отдавая предпочтение несилевым методам, великие державы (включая Россию), готовы и к избирательному прямому использованию военной силы или угрозы применения силы в отдельных критических ситуациях для защиты своих национальных интересов (например, России – в Арктике или на Кавказе или НАТО – в Афганистане). Россия в этой связи, скорее всего, будет стремиться поддерживать военный потенциал в целом на уровне ведущих стран и обеспечивать ядерное сдерживание – устрашение с США.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – N.Y., 1992.
- (2) *Кант И.* К вечному миру. – М., 1989.
- (3) *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. – N.Y., 2005; *Nye J.* The Powers to Lead. – N.Y., 2008.
- (4) В частности, такими категориями, как «национальный интерес», «угрозы безопасности», «политика безопасности», «баланс сил», «стабильность», «система и структура международных отношений». См.: *Цыганков П.А.* Международные отношения. – М., 1996; *Он же.* Политическая социология международных отношений. – М., 1994; *Он же.* Теория международных отношений. – М., 2002; *Коньшев В.Н.* Неореализм в современной политической мысли США. – СПб, 2001; *Сафронова О.В.* Теория международных отношений. – Н. Новгород, 2001; *Зарубежная политология // Социально-политический журнал.* – 1998; *Зарубежная политическая наука: история и современность.* – М. – Вып. 1–3; *Новиков Г.Н.* Теории международных отношений. – Иркутск, 1996; *Мировая политика: проблемы теории и практики.* – М., 1995; *Ачкасов В.А., Ачкасова В.А., Гуторов В.А.* Политология: проблемы теории. – СПб, 2001; *Мельвиль А.Ю.* Категории политической науки. – М., 2002. – С. 598–601; *Лебедева М.М.* Мировая политика. – М., 2003; *Богатуров А.Д.* Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970–1990 гг. – М., 1996; *Он же.* Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). – М., 1997; *Национальный интерес: теория и практика / Под ред. Э.А. Позднякова.* – М., 1991; *Баланс сил в мировой политике: теория и практика / Под ред. Э.А. Позднякова.* – М., 1993.
- (5) Анархичная, непредсказуемая природа международных отношений традиционно подчеркивается сторонниками теории политического «неореализма», в частности, одним из основоположников этого направления анализа мировых процессов американским политологом К. Уолтцем.
- (6) См., напр.: *Global Trends 2025: A Transformed World, The National Intelligence Council // http://www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html*
- (7) Тезис о наличии неких организующих начал в международных отношениях – основная линия политологов – сторонников политического «неолиберализма», в частности Дж. Ная и Р. Кеохейна. «Неолиберализм», являющийся как бы ответом «неореалистам», не отрицая в целом анархичный характер международной системы, выступает против преувеличения значения этого фактора, против недооценки возможности сотрудничества между государствами, даже в условиях отсутствия жестко организованной структуры международных отношений. Как и «неореалисты», «неолибералы» фокусируются на анализе государств и их интересов, при этом их трактовка таких интересов значительно шире. Они отмечают, что даже в анархичной системе международных отношений автономных государств возможны сотрудничество между ними на основе выстраивания определенных норм, режимов и институций.
- (8) Стенограмма выступления ректора МГИМО(У) МИД РФ, акад. РАН А.В. Торкунова на пленарном заседании Сессии Учебно-методического объединения вузов РФ по образованию в области международных отношений // http://www.fgosvpo.ru/index.php?menu_id=1&menu_type=1&parent=0&id=2
- (9) Изложение доктрины Н.В. Огаркова можно прочитать в книге генерала армии Гареева М.А. «Если завтра война» (М., 1994).

- (10) *Catanzaro M.* The «Revolution in Military Affairs» has an Enemy: Politics. – Washington D.C., October/November 2001; *Halpin E.F. (ed.)*. Cyberwar, Netwar and the Revolution in Military Affairs. – Lnd, 2006; *Adamsky D.* The Culture of Military Innovation: The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel. – N.Y., 2010.
- (11) *Браун С.* Сила в инструментарии современной дипломатии // Международные процессы. – 2005. – № 1.

NEW ISSUES OF STRATEGIC STABILITY

V. Mizin

Institute of International Studies
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Vernadskogo Ave., 76, Russia, Moscow, 119454

The article describes new aspects in the development of contemporary international security situation and strategic stability. The author opines that the current phase of international relations tends to be rather chaotic and highly unpredictable in its evolution. He attempts to trace the influence of such unorthodox factors as polycentric nature of the world, departure from exacerbated military confrontation, global terrorist threat on the formation of a principally novel model of strategic stability which substitutes the paradigms of the Cold War era. The article dresses the list of specific proposals on the strengthening of military and political security worldwide.

Key words: non-nuclear world, military and political security, conflicts, arms control, WMD, strategic stability, USA, disarmament, Russia, nuclear weapons.